

Сказка о царе-богатыре

Основано на издании 1889 г

Автор адаптации: Наталья Чернышова

Данный текст, а также оригинал сказки доступны для просмотра по следующему адресу:

gusi-lebedi.org/content/skazka-o-tsare-bogatyre/

Друзья! Мы вкладываем в наш сайт свою душу и огромное количество времени. Поэтому мы будем рады, если вы сохраните все ссылки в документе, а также расскажете о нас своим друзьям.

Команда gusi-lebedi.org

Сказка о царе-богатыре

Жил-был некогда в Российском государстве царь-государь – Алексей Михайлович. Жил он в Москве белокаменной, окружённый князьями и боярами, жил пышно и щедро, дружил и воевал с соседями, судил и рядил всякие домашние дела. На досуге выезжал на охоту: любил он один на один выйти с рогатиной на медведя косматого, тешился с соколами и кречетами.

Жил да поживал царь Алексей Михайлович и Бога благодарил, да вдруг стряслась беда: ушла в мир иной его любимая жена, оставила его молодым вдовцом, а детей – сиротами. Загрустил царь Алексей, запечалился. На его счастье был у него друг-приятель, добрый, разумный человек, Артамон Матвеев – часто бывал царь в гостях у него. И была у Матвеева племянница, скромница и умница и такая красавица, что ни в сказке сказать, ни пером написать! Приглянулась царю красна девица – взял он её за себя замуж.

Живёт царь с молодою женою душа в душу, друг на друга не насмотрятся, не нарадуются. И вот приходит однажды к царю Алексею учёный старец и говорит ему:

— Смотрел я по звёздам и увидел, что должен у тебя родиться сын, и будет тот сын твой царь-богатырь!

Порадовался царь доброму предсказанию, поблагодарил старца, наградил его щедро и стал ожидать – что-то будет? Ждёт-пождёт, и дождался того, что и в самом деле родился у него сын. Мальчика нарекли Петром при крещении. Царь так сыну обрадовался, что три дня пировал! Всех бояр, воевод и князей у себя угощал, не забыл и о простом народе, оделил он и нищую братию. Но не удалось царю Алексею долго любоваться своим сыночком: Бог судил царю умереть в молодых годах, и остался его сын, царевич Пётр, сиротою на руках у матери-царицы.

Юность царя-богатыря

Много горя натерпелась бедная царица от своих падчериц и пасынка после смерти царя Алексея, в слезах и тревогах стала царевича Петра растить и лелеять. А чтобы его спокойнее вырастить, отрёклась она от дворцового шума и блеска, укрылась в глушь деревенскую. Поручила царица мужское воспитание сына трём братьям да двум дядькам своим. И стал царевич расти, подниматься, стали все на него удивляться: не по летам был он крепок и силен, не по летам был разумен и умён. Грамота давалась ему играючи, но как только он ей выучился, так не стало от него покоя его дядькам. Засыпал их царевич Пётр вопросами: всё-то он хочет знать, разведать, отчего и почему так надо, и

откуда что берётся, отчего и как что происходит.

И придумали царевичевы дядьки, как его занять помудрёнее: собрали ребят с ним однолётков, полк из них составили и надо всеми царевича Петра полковником поставили. «Ну, – думают, – теперь он займётся!» Но вышло дело не так, как думали: перехитрил их царевич Пётр! Не захотел он быть полковником, говорит дядькам своим:

— В моем полку хочу быть рядовым солдатом, хочу всю службу знать от самого начала!

И вот опять забота дядькам! Думали царевичу потеху доставить и полк его потешным назвали, а тут вышла не детская потеха, а наставникам помеха. Царевича пришлось учить всем ружейным приёмам, стоять с ним на часах, на холоде, на зное, и каждый день быть на учении. И это ещё не всё: как только царевич Пётр освоил солдатскую науку, так захотел учиться стрелять из ружей и из пушек, скакать на лошади. Всё ему надо было делать самому – и укрепления строить: насыпать валы, копать рвы, и карабкаться по лестницам на стены.

И как уж ни старались бояре, князья и воеводы царевича отговорить от этих потех, как его ни уверяли, что особе царской непристойно этим делом заниматься, юный Пётр твердил им только одно:

— Всё это пустяки, я этому не верю! Непристойно только бездельничать да на боку лежать целыми днями!

Астролябия Петра

Зареклись дядьки выдумывать потехи царевичу, да он и сам уже стал находить себе занятия. Проговорился как-то при нём один князь, будто видал такой инструмент, что, не сходя с места, можно и землю вокруг себя мерить, и расстояние между предметами.

— Где ты видел этот инструмент, откуда взял? – начал допрашивать князя царевич.

— Да мне его в подарок из французской земли привезли, – пожал плечами князь.

— Где же он у тебя? Продай его мне! – просит Пётр.

— Да, признаться, валялся он у меня в сарае, а штука-то медная, тонкой работы, вот кто-то его и стянул, – развёл руками князь.

— Стянул? А как ты смел за своею вещью не смотреть, не в порядке её держать? Сейчас снаряжайся в путь-дорогу! Поезжай во французскую землю: точь-в-точь такой же инструмент мне привези, – приказал царевич.

Делать нечего, пришлось князю ехать в чужую землю, такой же инструмент добывать, какой у него в сарае валялся. И кто ж его знал, что он на дело пригодится?

Ездил-ездил князь, чуть не половину года проездил, на чужой стороне щей не хлебал, квасу не пил, ржаного хлеба не видал, на церковь православную лба не крестил. Привёз инструмент заветный в ящике заколоченном. Вёз его всю дорогу бережно, будто вазу хрустальную.

Обрадовался царевич, как возвестили о приезде князя. Он и хлеб-соли не докушал, за столом не досидел – бросился смотреть, как будут диковинный инструмент из ящика добывать. Смотрит, глаза горят, на щеках румянец играет. Вот и ящик вскрыли и бережно из него какую-то штуку вынули: три ноги долгих, а на ногах как бы столик, на столике медные поперечины ходят, да под стеклом какая-то стрелка кружится.

— Какое же этому инструменту название? – спрашивает царевич.

— Астролябией называют его, – отвечает князь.

— И как его в дело пускать? Как им землю мерять? – стал дальше допрашивать царевич.

— А кто ж его знает! Мне показывали, да уж мудрёно больно! – отозвался князь.

Разгневался Пётр, закричал, затопал ногами на него:

— Как же ты смел мне на глаза явиться, не выучившись этому делу, не расспросив хорошенько?! Что мне в инструменте твоём, коли он будет у меня стоять, как игрушка заморская, без пользы?

Насилу бояре царевича уняли, насилу князя из беды выручили! Обещали, что найдут ему назавтра мастера, который его научит с инструментом обращаться.

Да легко обещать – нелегко выполнить! Стали всех подряд расспрашивать, стали всем показывать заморскую диковинку. Особенно надеялись на тех, кто за морем бывал, из семи печей хлеб едал. Да нет! Подойдёт такой путешественник, бороду уставит, головой покачает да только и скажет:

— Мудрёно! Не видал я такой штуковины!

А царевич ещё пуще из себя выходит! Бояр во все стороны разогнал: вынь да положь ему мастера, который бы его обучил мудрёному обращению с заморским инструментом!

Наконец нашёлся один догадливый человек, он и говорит боярам:

— Ну, чего вы голову-то потеряли? Или забыли, что немец на все руки мастер – обезьяну выдумал! Отчего бы не пойти, не спросить об этом деле у немца?

— Ну, конечно, у немца! Известное дело, у немца, кому же это знать, как не немцу! – обрадовались бояре.

И всей гурьбой повалили к тому самому немцу, который потешных солдат царевича обучал ратному строю. Приходят к нему, кланяются:

— Вызволи нас из беды неминуемой! Не даёт нам царевич покою! – кричат, переби-

вая друг друга.

— Из беды вас выручить нетрудно! С астролябией я сам умею управиться! Только ведь этого мало: без науки её в дело употребить никак нельзя, – отвечает немец.

— Отец родной! Да уж это ты там царевичу сам объяснишь всё да покажешь. Ты только нас-то избавь от его гнева! – взмолились бояре.

Потащили немца к царевичу, чуть не пляшут от радости. Ещё издали кричат:

— Мастера нашли, мастера ведём!

Привели немца, царевич его спрашивает:

— Знаешь, как надобно с астролябией обращаться?

— А то как же? Знаю, ваше величество, – отвечает немец.

— А ну-ка, покажи! – показал на инструмент Пётр.

Самолично выбрал сосну на краю поля и говорит:

— Будь любезен, измерь, сколько до той сосны отсюда будет сажен?

Немец прикинул инструментом, поглядел сквозь поперечины, на листочке бумаги какие-то углы начертил, цифру какую-то написал и говорит:

— Должно быть шестьдесят восемь сажен!

Побежали бояре с шестами саженными, измерили – так и есть, как раз шестьдесят восемь сажен!

Царевич и говорит немцу:

— Научи меня этим инструментом пользоваться!

— Этому сразу научить нельзя, – отвечает немец, – надо сначала две науки изучить: арифметику и геометрию.

— Тогда выучи меня тем наукам, я тебе заплачу сколько надобно.

— Не в плате дело, ваше величество, а во времени. Этим наукам, даже при старании и прилежании, отменном усердии, меньше чем за год научиться нельзя.

— Ну, так что же? И год просижу, а науки эти буду знать!

Но боярам уж очень обидно показалось, что русский царевич будет учиться у немца заморской премудрости. Да Пётр на них так прикрикнул, что никто к нему и подступиться не посмел. Попробовали было матушке-царице на это пожаловаться, но та сказала только:

— Пускай у кого хочет доброму учится! Ученье – свет, неученье – тьма. Пусть будет по воле Божией!

А царевич с того же дня с немцем за науку сел, все игры забыл, все потехи забросил. Принялся он учиться так рьяно, что и сам немец диву давался. Вышло так, что царевич в шесть месяцев прошёл всё то, на что немцу, казалось, год будет нужен. Одолеп Пётр арифметику с геометрией, сам стал управляться с астролябией да с компасом. Захотел

он дальше учиться: языки узнать, постигнуть, как весь мир Божий устроен.

Большому кораблю – большое плаванье

И случилось однажды, что гулял он как-то в подмосковном своём селе, Измайлове, вместе с дядьками своими, и вдруг в амбарах наткнулся на какое-то судёнышко диковинное: бока крутые, донце острое, к корме какой-то прибор приделан, на петлях ходит.

— Это что за судно? – спросил у бояр царевич.

— Да это... так... хлам старый... никуда не годный... Мы его в лом назначили... – растерялись бояре.

— Как в лом? Когда сделано? Кто делал? Почему на наши суда не похоже? Как оно на воде ходит? – терзает их Пётр.

Перепугались бояре: чуют над собою беду такую, как из-за той же астролябии. Молчат, друг за дружку прячутся. Приказал царевич спустить судно на воду в пруду, видит: судно на воде держится, а как им править – никто не знает.

Опять царевич потребовал позвать немца, принялся его расспрашивать. Отвечает немец Петру:

— Это судно килевое, которое по всякой воде может ходить, не опрокидываясь. А если к нему паруса сделать, так в нём не только по ветру, но и против ветра можно будет идти.

Загорелось сердце у Петра: подавай ему такого мастера, который судно до ума доведёт и управлять им царевича научит!

К счастью, скоро узнали бояре, что мастер, который это судно для царя Алексея строил, жив и здоров, и живёт под Москвою в Немецкой слободе, и что зовут его Карштен Брандт.

Поскакали гонцы за мастером, только старика напугали: вдруг, ни с того ни с сего, его к царевичу требуют! Даже одеться толком не дали, – привезли в чём дома был.

— Ты это судно строил? – спрашивает Пётр.

— Я, ваше величество! – отвечает старик, потихоньку успокаиваясь.

— Покажешь, как им управлять? – допытывается царевич.

— Показать могу, только надо его починить сначала, мачту к нему приладить да паруса сшить. Да и простору надо побольше, а то ему здесь и развернуться негде, – улыбается мастер.

— Спрашивай всего, что тебе надобно. Всё тебе дано будет! Да делай при мне: я тебе сам помогать стану.

Опять засуетились, зароптали бояре:

— Виданое ли дело! Русский царевич да с каким-то нехристом – прости Господи! – станет этакой черной работой заниматься!

И опять царевич настоял на своем – принялся с немцем за работу. Снова попытались бояре матушке-царице жаловаться, и вновь тот же ответ услышали:

— Оставьте его в покое, пусть работает! Видно, есть на то воля Божья.

И в два дня старик Брандт починил судёнышко, всю снасть к нему наладил, перевёз его вместе с царевичем на Москву-реку, рассказал и показал, как оно и по ветру, и против ветра ходит.

Однако, и тут оказалось судёнышку тесно: перетащил его царевич на Плещеево озеро, досыта в нём наплавался, накатался – целует старика, обнимает, как брата родного, наградил его сверх всякого чаяния.

Этот немец, Брандт, возьми и расскажи царевичу, что, как жил он в немецкой земле, так строил там и большие корабли, которые по морям могут ходить.

— А теперь не забыл, как их строить? Сумел бы ты, если б я тебе заказал такой корабль?

— Не забыл, конечно! Отчего не суметь? Только ведь на озере большому кораблю места мало, разойтись негде.

— Об этом не волнуйся, старина! Ты только научи меня да покажи, как их строят!

По воле царевича согнали на Переяславское озеро плотников, навезли всяких снастей, лесу, балок, брусьев, выстроили верфь корабельную: стали сразу два корабля строить. Позабыл царь и о Москве, и о матушке родимой, – день и ночь с Брантом на стройке, топором работает, буравом буравит, ко всему присматривается, во всё вникает.

Опять заворчали на царевича бояре:

— Не годится русскому царевичу таким делом заниматься! Тебе надо в Думе с нами сидеть, о делах рассуждать! А ты корабли строишь! Куда тебе эти корабли нужны? У твоего царства ни одного и моря-то нет, по которому кораблям ходить можно! Есть Белое море под Архангельском, так в нём всего три месяца плавать можно: в остальное время ото льдов проходу нет!

Слушал, слушал их царевич, да и усмехнулся:

— Люди вы старые, а ума не нажили... Вам бы все на боку лежать! Вам бы всё так оставаться, как при дедах было. А я вам вот что скажу: если будут у меня корабли, так я вам и море добуду!

Почесали в затылках бояре, ничего не ответили, только про себя подумали: «Молод ты ещё нас, стариков, учить! Поживёшь с наше, обломаешь крылья!»

А тем временем выстроил царевич кораблики, покатался по Переяславскому озеру, научился, как кораблём править, как паруса наставлять, как рулём по компасу поворачивать, и стал рваться к настоящему морю.

Пришёл Пётр к матушке за благословением – просить отпустить его в город Архангельск, посмотреть на море Белое, попытаться в нём поплавать на своих кораблицах. Дала ему матушка своё благословение и, прощаясь с ним, слёзно плакала – просила сына-царевича беречь себя для Русской земли.

Полетел царевич к Белому морю ясным соколом, собрал в городе Архангельске строителей-мастеров, заложил и на Белом море верфи, стал и там корабли строить, и корабли не малые, а такие, которые для моря надобны. Поплавал он по морю, испытал на себе настоящие морские бури, побывал на своих кораблях у Соловецких островов и вернулся в Москву цел и невредим.

Пётр – царь-богатырь

Вскоре после того царевич в возраст вошёл, царством управлять взялся, за все дела принялся. И дивились все его разуму, дивились и тому, что работать он мог без усталости: для дела не доест, не доспит, а сам так здоровьем и пышет, так богатырём и смотрит. Рост у царя – сажень печатная, между плеч – семь четвертей, голос – что труба воинская, силища в руках – какой не видывано. Возьмёт, к примеру, в руки подкову конскую – перегнёт, изломает её всю! Возьмёт тарелку серебряную – между ладоней её в трубку скрутит. Ударит кулаком по толстой кружке медной, так в лепёшку её сомнёт. Швырнёт вверх штуку сукна немецкого – на лету её клинком напополам разрубит!

И случилось, как раз в то время, когда царевич возмужал и царём стал, объявилась у нас война с турецким султаном. Стал он русских людей на Дону обижать, в самых устьях его крепость Азов для себя построил, казаков потеснил сильно.

Прослышал об этом царь-богатырь, собрал войско, пошёл Азов добывать. Целый год под Азовом стоял, с турками бился, а побить их не мог, потому что им с моря подмога была и припасы шли. Понял царь, что нужно Азов от моря отрезать. Целую зиму на Дону под Воронежем Пётр мелкие суда строил, пушки на них ставил. А как только тронулся лёд на Дону, поплыли его кораблики по Дону в Азовское море. Там они турецкие корабли сожгли, разметали, Азов от моря отрезали – и достался он царю Петру во владение.

Ученье – свет, неученье – тьма

Посидев под Азовом, увидел царь-богатырь, что еще многому нужно русским людям учиться, многого они не знают, да многого и сам он не знает! А сам не знаешь, как других учить будешь? Видит, что надо самому учиться. Собрал он своих бояр, князей и воевод и говорит им:

— Оставайтесь вы здесь, моим царством без меня управляйте, суд и правду творите, людей добрых не угнетайте! А я поеду в чужие земли, посмотрю, как там люди живут, поучусь тому, чего не знаю, вывезу оттуда с собою и людей нужных. Пусть они русских людей всему потребному учат!

Не посмели бояре против царя слова молвить. Снарядил он посольство к иноземным государям, сам нарядился простым боярином, поехал иноземной мудрости обучаться. Куда ни приедет – всё осмотрит: мельница хороша – мельницу изучает, с мельником день-другой около жерновов ходит, обо всём его расспросит, себе на чертёж снимет. Фабрику увидит – скорее на фабрику, в ней живёт, все машины переберёт, сам поучится, как их в ход пускать, как останавливать. Встретится больница – и больницу осмотрит, училище – и в нём побывает. Казарма ли, крепость ли – всё ему знать надобно, всё себе на память в книжку записывает, всё про себя умом соображает, да к Русской земле применяет.

И проехал он так через всю Немецкую землю, приехал в землю Голландскую, на самый берег моря. Видит: невелика земля, а богата, ведёт морем большую торговлю. Плавают голландские корабли и за моря, и по каналам из конца в конец земли Голландской. Приглянулась царю-богатырю Голландия. Захотелось ему у голландцев поучиться, как они корабли заморские строят, как оснащают их, как на море спускают. Что долго думать: сей же час боярское платье с плеч долой! В рабочую куртку обрядился, вязаный колпак на голову нацепил, топор в руки взял и нанялся на голландскую верфь работником. Поселился жить в такой избушке, что царскому слуге в неё и войти-то стыдно! И пошёл топориком постукивать, корабли строить. Царь на работе – и бояре его туда же, от него отстать не смеют, тоже нанялись в работники, научились всякой корабельной премудрости, намозолили руки свои белые.

Как прошёл царь-богатырь всю голландскую корабельную науку, так выстроил своими руками корабль, а другой от голландцев в подарок получил. Всего нужного на корабль забрал, всяких мастеров нанял, всякого инструмента накупил да в Русь-матушку и отправил. А сам дальше, в Английскую да во Французскую землю поехал, и там всё осмотрел: как пушки лить, как железо ковать, как крепости лучше строить, как книги дешевле печатать, как пеньку трепать и канаты вить, как лозу виноградную выращивать.

И своих бояр – каждого по особой части пустил, чтобы они, приехав на родину, других своему делу поучить сумели.

Война со шведами

Вернулся в Москву царь-богатырь, видит – всё у нас не так делается, видит, что много русских людей учить надобно. Только было принялся наставлять народ – объявился у Русской земли новый страшный враг: шведский король, Карлом его звали. Ни с того ни с сего задумал он захватить русские земли и пошёл на царя-богатыря войною. А надо сказать, что у того короля Карла шведского войско было храброе, генералы искусные, ко всякой военной хитрости привычные, ко всякой войне обычные. Переплыл король море на своих корабликах, высадил войско на наших землях, не стал дожидаться, пока мы на него нападём, сам на нас напал – врасплох застал, во все стороны разметал, разбил под Нарвою наголову.

Перепугались князья, бояре и воеводы, к царю-богатырю бросились:

— Царь-батюшка, не погуби ты нас! Не воюй ты с этим окаянным шведом: отдай ему земли, какие ему надобны! Где уж нам с ним в чистом поле тягаться!

Разбушевался на них царь-богатырь:

— Как вы смеете ко мне с такими речами обращаться?! Швед разбил моё войско, потому что оно не учёное, да и воеводы – под стать войскам – неучи! Не пугаться нам его нужно, а у него воевать учиться! Знаете ли вы, что лучше русского войска в целом свете не сыщется? Да на все наука нужна!

И взялся царь-богатырь свое войско обучать, ко всем военным хитростям его приучать, повёл войну со шведом долгую, упорную. Зная Карлову повадку задорную, стал его внутрь Русской земли заманивать, больших сражений не давать, а малыми стычками его донимать. И дождался наконец того дня, что его войско и к большой битве готово стало. Высмотрел царь-богатырь большое поле под Полтавою: есть где разойтись, русскую удаль показать. И сошлась тут шведская рать с Петровым войском. Бились, бились шведы, рвались вперёд как львы, видят – не одолеть им русских: как стена стоят. Дрогнули, побежали иноземцы – погнались за ними русские! Секут, рубят, в полон берут. Сам Карл еле ноги унёс, а его генералы все Петру в полон достались.

Привели их к Петру – оборванных, безоружных, а царь-богатырь говорит им:

— Я на вас не сержусь, не сетую. Вы меня под Нарвою проучили, а я вам теперь под Полтавою урок дал. Князья и бояре, пойдёмте Бога за победу благодарить! А потом станем пир пировать, и учителей наших с собою за одну трапезу посадим, за их здоровье мёд пить будем!

И велел вернуть шведским генералам их оружие и честь воинскую, посадил их с собою за стол, а потом отпустил с честью на родину.

— Ну, – говорят меж собою бояре, – теперь мы шведа разбили, воевать он с нами больше не захочет! Теперь уж верно и наш царь-богатырь угомонится, сам станет отдыхать и нам отдохнуть даст.

А царь-богатырь по-другому решил:

— Вот мы теперь шведа победили, так надо ему не дать оправиться, пойти отнять у него половину моря Балтийского, да на нём русский флот построить, чтобы было нам удобнее торговлю вести с иностранными государствами, дипломатию с ними налаживать, от них уму-разуму учиться.

Город Петра

Задумал, двинул войско, занял берега Финского залива. Взял шведские крепости, что на исконных русских землях стояли, разорил их. И стал твердою ногою на берегу широкой Невы-реки, у самого того места, где она в море впадает. И говорит Пётр князьям и боярам:

— Ну, что же вы мне говорили, будто у Русской земли моря нет? Помните, что я вам ответил? Были бы корабли, а море будет. Вот вам и море. Давайте здесь корабли строить.

Говорят ему в ответ князья и бояре:

— Государь-батюшка! Где же тут, на краю земли Русской, корабли строить? Придёт швед – корабли сожжёт. Да и где их тут строить? Ни города, ни верфи: один лес непроглядный, да болотина непроезжая.

Отвечал им царь-богатырь:

— Эх, вы, люди русские, православные! Или не хотите вы того в толк взять, что чего я захочу, того добьюсь с Божьей помощью! Знать, слышали пословицу: терпенье да труд – все перетрут? Будет здесь и город, всем городам на диво, будут здесь и верфи – всем верфям на диво! А как мы город построим, да с моря его кораблями защитим, крепостью оградим, – кто же сюда к нам сунется?

— Государь наш, батюшка, зачем тебе здесь город строить, когда есть у тебя город стольный, Москва златоглавая?

— А затем здесь город строить хочу, что здесь в Европу окошко прорублю: будет мне из того окна видно, что там люди добрые делают, как живут, чем торгуют, что выдумывают. А Москва белокаменная пусть себе останется городом стольным, буду я помнить её святыни, буду почитать и её старину, а всё же здесь, в новой столице, заведу всё по-

новому, чтобы Русь-матушку разбудить, на ученье двинуть, к труду приучить.

И точно, как по щучьему велению, из болота да из лесной чащи за несколько лет появился город-красавец. Соединил его Петр с остальной Русью каналами, оградил крепостями, выстроил такой флот, что на шведов страх нагнал, и стали все иностранные государи русского царя уважать, Русскую землю знать.

И стал царь-богатырь по всей земле русские школы заводить, фабрики строить, руду из земли добывать, всяким ремёслам людей обучать. Сам и токарь, и кузнец, и механик, и плотник, – он и сам всюду ездил, сам всех учил, наставлял, показывал и на деле доказывал, что ученье да терпенье всего достичь позволяют!

Память о царе-богатыре

В труде весь свой век царь-богатырь прожил, в труде и ушёл! Был уже он очень болен, и велели ему доктора простуды беречься. Но не послушал он лекарей: случилось ему по взморью кататься, а дело было поздней осенью. Вдруг слышит крики, на помощь зовут: близёхонько от берега люди тонут! Не стерпело сердце богатырское: как не помочь? Как дать погибнуть православным? Поспешил он им на помощь, сам в воду бросился, всех утопавших спас, да простудился сильно, слёг в постель и не вставал больше.

Прошло с того времени больше ста шестидесяти лет. Стала Русская земля первою в свете державою по обширности и по могуществу! И русские люди поняли, каков был царь-богатырь, какие трудности он на своих плечах вынес, что он совершил! И не в одной Русской земле гремит славою его имя. В Голландии, в городе Сардам, уцелел тот домик, где царь-богатырь жил. Издалека приезжают туда иноземцы, на тот домик смотрят, изумляются и говорят:

— Невелик домик, а такого царя вмещал, которому и мир был тесен!

Помните же, люди русские, царя-богатыря, не забывайте! В неудачах не унывайте, его вспоминая, а при удачах отдыхать не спешите, на печь не заваливайтесь. Царю Петру последуйте!